

Владимир Куковенко

Крестовые походы русских князей

16+

Владимир Куковенко

Крестовые походы русских князей

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Куковенко В. И.

Крестовые походы русских князей / В. И. Куковенко — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Многие историки обращали внимание на то, что наиболее яркое и наиболее продолжительное духовное движение Западной Европы - освобождение Гроба Господня от власти мусульман, никак не отразилось ни на религиозной, ни на бытовой, ни на культурной стороне жизни русского народа. Крестовые войны продолжались чуть ли не триста лет, но в русских летописях, документах и литературных сочинениях об этом впечатляющем явлении своего времени нет ни строчки. Русский народ показал какое-то поразительное равнодушие в отношении одной из самых острых религиозных проблем своего времени. В крестовых походах приняли участие народы практически всей Европы, в том числе и ближайшие соседи русских - поляки, шведы, норвежцы. Но русских дружин, как принято считать, на Святой земле не было. Но так ли это на самом деле? Есть все основания считать, что сведения о походах русских князей в Святую землю просто вымарали из наших летописей...

© Куковенко В. И., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Предисловие

Многие историки обращали внимание на то, что наиболее яркое и наиболее продолжительное духовное движение Западной Европы – освобождение Гроба Господня от власти мусульман, никак не отразилось ни на религиозной, ни на бытовой, ни на культурной стороне жизни русского народа. Крестовые войны продолжались чуть ли не триста лет, но в русских летописях, документах и литературных сочинениях об этом впечатляющем явлении своего времени нет ни строчки. Русский народ показал какое-то поразительное равнодушие в отношении одной из самых острых религиозных проблем своего времени. Весь христианский мир в конце XI столетия задался одним вопросом: позволительно ли иноверцам распоряжаться христианскими святынями? И ответ был категоричным и единодушным – нет! Одна Русь уклонилась от какого-либо выражения своего мнения. В крестовых походах приняли участие народы практически всей Европы, в том числе и ближайшие соседи русских – поляки, шведы, норвежцы. Но русских дружин на Святой земле не было.

Спустя сто сорок лет после начала крестовых походов Русь пала под ударами монголов, поэтому вполне объяснимо, почему ее дружины в XIII веке не появлялись в Палестине. Но что им помешало принять участие в первых крестовых походах? Религиозные несогласия с католиками?

Видный советский историк М.А. Заборов по этому поводу высказывает следующие соображения:

«Киевская Русь никогда не участвовала в крестовых походах на Ближнем Востоке. Русские феодалы в массе своей едва ли могли испытывать желание принимать участие в крестовых походах уже потому хотя бы, что то были папские предприятия. Урбан II, поднимая Запад на священную войну против «поганого племени турок», звал опоясаться мечом для освобождения гроба господня лишь католиков, к «схизматикам», почти полвека назад отпавшим от римско-католической церкви (1054), он вовсе не обращался».

Таким образом, историку представляется дело освобождения Гроба Господня, как исключительно католическое, папское, нашедшее отклик лишь в Западной Европе. Русские князья не участвовали в этом общехристианском деле лишь потому, что их персонально не пригласили. Но с такой точкой зрения вряд ли можно согласиться. Едва ли кто приглашал к участию в поход норвежского конунга Сигурда Крестonosца, или английского короля Ричарда Львиное Сердце, но, тем не менее, они приняли в нем участие, движимые не только жаждой наживы (как это обычно представляют), но и религиозной идеей.

Русь располагалась ближе к Святой Земле, чем Норвегия и Англия, русские князья были не менее воинственны и не менее склонны к военным авантюрам, чем норманны. Последний поход русских дружин на Константинополь состоялся всего за пятьдесят лет до начала крестовых походов (1043), и вряд ли за такой незначительный период воинственность и предприимчивость русских князей могла полностью угаснуть. Но все же, русские дружины так и не приняли участие в освобождения христианских святынь из рук иноверных.

Что же им помешало? Пассивное отношение к этому вопросу православной церкви, религиозная разобщенность и слабые связи с остальной Европой?

Попробуем ответить на этот вопрос.

1.Связи Руси и Европы

Князья Киевской Руси имели обширные родственные связи с королевскими домами практически всей Европы. Ярослав Владимирович Мудрый был женат на Ингигерд, дочери шведского короля Олава (1019), старшая его дочь Елизавета (Эллисив) стала женой норвеж-

ского конунга Харальда Сигурдарсона, вторая дочь Анна была выдана за французского короля Генриха I, третья дочь Анастасия (Асмунда) была женой венгерского короля Андрея.

Сын Ярослава, Всеволод, был женат на греческой принцессе Анне, дочери императора Константина Мономаха. Это византийское родовое имя унаследовал сын Всеволода, Владимир. Другой сын, Изяслав, женился на сестре польского короля Казимира Олисане-Гертруде (дочь короля Мешко II, или Болеслава I). Сын Изяслава, Ярополк, был женат на падчерице саксонского маркграфа Дедо, Кунигунде-Ирине. Во время княжеских распрей своего отца он искал помощи в Польше, в Германии и Риме, что свидетельствует об устойчивых связях русских князей с этими странами.

Другой сын Ярослава, Святослав, был в родстве с пробстом Трирского собора Бурхардом. О женах остальных четырех сыновей Ярослава подробных сведений не сохранилось, но известно, что они происходили из влиятельных княжеских домов Германии и Англии. Сестра Ярослава, Мария Владимировна, была выдана за польского князя и ее сын Болеслав II Смелый был польским королем.

Помогая Болеславу, Ярослав ходил с дружиной в Польшу и воевал с врагами своего зятя. Появлялись русские дружины и в немецких владениях – в Силезии. Воевал Ярослав и с Византией – в 1043 году состоялся последний поход русских дружин на империю, закончившийся разгромом греческого флота и заключением мира. Неоднократно вмешивался Ярослав и в дела Венгрии, направляя туда военные отряды и помогая утвердиться на венгерском престоле своим родственникам.

Дети, внуки и правнуки Ярослава так же успешно продолжают использовать для обеспечения интересов своих княжеств династические браки. Владимир Всеволодович Мономах был женат на Гите, дочери Харальда Английского (около 1074-1075г.г.). После смерти Гиты (1107) он вторично женился на дочери венгерского короля Ласло (Владислава) I Святого. Дочь Владимира, Евфимия, была женой венгерского короля Коломана (1065-1116).

Сын Мономаха, Мстислав, был женат на Кристине, дочери норвежского конунга Инги Стейкельссона, дочь Мстислава, Мальмфрид, была замужем за норвежским конунгом Сигурдом Крестоносцем, сыном короля Магнуса. После его смерти она вторично вышла замуж за датского конунга Эйрика Эймуна (1133).

Вторая дочь Мстислава, Ингибьёрг (Ингильборг) была женой датского конунга Кнута Лаварда (1117). Их сын Вальдемар Датский (названный так в честь своего деда Владимира Мономаха) был женат на Софии, дочери минского князя Володаря Глебовича.

Третья дочь Мстислава, Евфимия, была замужем за венгерским королем Гейзой II (1130-1162).

Другая ветвь потомков Ярослава, от его сына Святослава, более роднилась с польскими князьями.

Болеслав II Смелый был женат на Марии Владимировне, сестре Ярослава. Его племянник Болеслав III Кривоустый был женат на Збыславе, дочери Святополка II, киевского князя. Их сын Владислав, продолжая родственные связи с Русью, женил своего сына Болеслава на Звениславе (или Велеславе), дочери Всеволода Ольговича (внук Святослава).

Помогая своему свату в борьбе с младшими братьями, Всеволод несколько раз посылал свои дружины в Польшу. В 1142 г. он послал сына Святослава на помощь Владиславу, в 1144 сам ходил туда, а в 1145 г. дружины повел Игорь Ольгович, его брат.

В свою очередь, польские дружины так же приходили на Русь и участвовали в походах Ольговичей – в 1140 г. против Суздаля. В год смерти Всеволода (1146) его зять Болеслав находился в Киеве и даже был отправлен к Изяславу Мстиславовичу, чтобы тот подтвердил свою верность новому киевскому князю.

Подобная политика, как военная, так и династическая, была настолько разумна и ответственна, что ее успешно применяли еще двести лет многочисленные потомки Ярослава. И прекратились эти активные контакты с Европой лишь после разорения Руси монголами.

Таким образом, связи русских князей с соседями в течение длительного времени были весьма обширны, и не ограничивались лишь взаимными браками, но предусматривали тесные политические и военные союзы. Это была одна из форм поддержания взаимных долговременных дружеских отношений

Подобные контакты, хотя они и продолжались только до монгольского нашествия, не могли обойтись без взаимных культурных и духовных заимствований. И следы этих заимствований отчетливо прослеживаются во многих областях тогдашней русской жизни: архитектура, письменность, религия, военное дело и т.д. Единственно, где мы их не находим, так это в духовной сфере. Именно такого мнения придерживается большинство отечественных историков, считая, что духовная жизнь русского народа была надежно ограждена от проникновения западных идей. Но так ли это было на самом деле? Есть все основания считать, что и в раннем средневековье западные духовные идеи не остались незамеченными на Руси. И следы этого проникновения можно обнаружить при внимательном взгляде и критическом отношении к некоторым документам.

2. Крестовые походы и Русь

В «Истории Антиохии и Иерусалима» (XIII в.) упоминается, что во время первого крестового похода в сражении под Никеей (1097) особенно отличились рыцари из Норвегии, Польши и России. Руссы впоследствии основали в Сирии город Руссу (Россу), нынешний Руйат.

Можно предположить, что в «Истории» упоминаются не руссы, а славянское племя рутены, чьи земли находились на Балтийском Поморье между Польшей и Данией. Когда рутены исчезли как этнос, растворившись среди соседних народов, это название могли отождествлять с русью, или днепровскими славянами. Таким образом, упоминаемые в «Истории» руссы на самом деле являются прибалтийскими славянами.

Но подобная версия не слишком убедительна. Рутены были язычниками, которые длительное время упорно отстаивали свою религиозную и политическую независимость, непрерывно сражаясь с датчанами, немцами и поляками, уже принявшими христианство. Поэтому весьма сомнительным выглядит предположение о том, что они могли послать свои дружины на освобождение Гроба Господня, т.е. сражаться за религиозные идеи своих врагов. Не исключено, что среди рутенов было немало и тех, кто принял христианство. Но и в этом случае вряд ли они могли выставить собственные дружины, так как политической независимостью они не обладали, и должны были сражаться среди воинов тех народов, которым они подчинились – датчан, немцев, поляков. Следовательно, есть все основания считать упомянутых руссов выходцами из Киевской Руси.

В «Повести временных лет» содержится любопытное упоминание о том, что Мстислав Владимирович, сын князя Владимира Мономаха, в 1100 году *месяца июня в 10-й день пошел на море* (имеется в виду Черное море). Но что он там делал и куда направлялся – летопись об этом умалчивает. Отсутствовал князь два с половиной года и вновь упоминается в летописи лишь в конце декабря 1102, когда он *пришел в Киев*. Весьма вероятно, что Мстислав принял участие в крестоносных войнах на территории Палестины или Сирии.

Примем во внимание и то, что княживший в это время великий князь Киевский Святополк Изяславич (1093-1112) был в родстве с польским королевским домом, а его брат Ярополк был женат на падчерице саксонского маркграфа Дедо, Кунигунде-Ирине. Можно предположить, что западные родственники пригласили русских князей участвовать в освобождении

Гроба Господня. Поэтому не исключено, что Мстислав Владимирович возглавил соединенную дружину многих русских княжеств.

Если согласиться с предположением, что русские князья участвовали в крестовых походах, то некоторые события того времени найдут иное, отличное от академического, объяснение. Предположим, Любечский съезд русских князей, который состоялся в 1097 году, т.е. в год выступления западноевропейского воинства на освобождение Святой Земли. Возможно, те русские князья, которые согласились участвовать в этом походе, предприняли некоторые меры к тому, чтобы за время их отсутствия их княжества не подверглись нападению соседей. Стремилась они, в случае своей смерти, сохранить и права своих детей на княжение, поэтому и заключили соглашение, по которому княжество передавалась не старшему в роду (как это было до этого), а непосредственно сыновьям и внукам – «да держит каждый удел свой». Такое правовое соглашение давало гарантии стабильности в вопросах наследования уделов.

Поскольку несогласие и взаимные нападения князей друг на друга продолжались, в 1100 году состоялся повторный съезд под Киевом в Ветичеве. Князья приняли жесткие меры против Давида Игоревича, нарушителя соглашения, и лишили его княжения.

Собственно говоря, мы видим на Руси повторение тех же явлений, что и в Западной Европе перед крестовым походом. Папа Урбан II на Клермонтском соборе (открылся 26 ноября 1095 г.) призывал князей и других владетельных особ оставить взаимные разногласия и распри во имя общего дела. Видимо, после Клермонтского собора были заключены определенные договоры, дающие гарантии сохранения взаимного мира между владетельными особами. То же самое происходило и на Руси.

На основании этих скудных сведений можно сделать предположение, что русские князья готовились принять участие в крестовых походах. И участвовали в них, хотя и не в таких масштабах, как рыцари Западной Европы. Поход князя Мстислава *на море* в 1100 году и есть тому подтверждение*.

** С.Соловьев предположил, что Мстислав был отправлен на море «перенимать купцов», т.е. попросту пиратствовать. Но, за несколько столетий существования Руси до нас не дошло ни одного летописного известия о подобных пиратских экспедициях русских князей. Поэтому к походу 1100 года едва ли применимо объяснение С.Соловьева.*

После отбытия сына в Святую Землю Владимир Мономах проводит повторный съезд князей, стремясь не допустить передела владений и сохранить мир, пока его значительные военные силы находятся далеко от Руси.

После возвращения Мстислава следует несколько династических браков. Летопись так повествует об этом: «В год 6612 (1104). Повели дочь Володареву за царевича Алексеевича, в Царьград, месяца июля в 20-й день. В том же году повели Предславу, дочь Святополка, в Венгрию за королевича, августа в 21-й день» (перевод Д.Лихачева).

Брак сестры Мстислава подтверждает предположение о том, что он участвовал в крестовом походе. Именно там он мог познакомиться с греческим царевичем и, закрепляя дружеские отношения, предложил ему в жены свою сестру. Но относительно жениха летописец ошибся – как предполагают исследователи, этот царевич не был сыном императора Алексея, а был сыном свергнутого ранее императора Диогена.

На основании венгерских источников можно сделать некоторые уточнения и дополнения относительно этих браков. Женихом Предславы, дочери Киевского князя Святополка Изяславича (двоюродный брат Владимира Мономаха и его постоянный союзник) был герцог Алмос, король Хорватии с 1091 года, сын венгерского короля Гейзы I. Годы жизни Алмоса около 1068-1129.

Но, похоже, что и сам Мономах в этот год женился вторым браком на дочери венгерского короля Ласло (Владислава) I Святого, умершего в 1095 году*.

**Имя этой дочери неизвестно. Первая жена Владимира, Гита, умерла около 1097 года. Вторая жена умерла в 1107 году.*

В этом же году другая дочь короля Ласло вышла замуж за сына императора Алексея Комнина, Иоанна, ставшего императором после смерти отца в 1118 году.

В конце 1104 года, после того, как дочь Владимира Мономаха сочеталась браком с царевичем, в Киев прибывает греческий митрополит Никифор (умер на киевской кафедре в 1121 г.). Подобное оживление отношений между Русью и Византией и многочисленные браки, возможно, указывает на то, что император Алексей стремился еще больше вовлечь русских князей в дела империи, которая к тому времени пребывала в плачевном состоянии.

Но эти браки указывают также на то, что Владимир Мономах и киевский князь Святополк рассчитывали использовать Венгрию для поддержки своих политических планов. Планы эти могли быть самыми обширными: сделать Венгрию своим постоянным союзником, подчинить ее себе, или же совместно с Венгрией отторгнуть от Византии ее северные области. Последнее предположение отчасти подтверждается некоторыми последующими событиями.

В 1116 году, в конце правления Алексея Комнина, бывший император Диоген поднял мятеж и пытался захватить престол, призвав на помощь дружины своего свата, Владимира Мономаха. Летопись об этих событиях повествует следующее: «В этот же год ходил Леон царевич, зять Владимиров, на Алексея царя, и сдалось ему несколько дунайских городов; и в Дерестре городе хитростью убили его два сарацина, подосланные царем, месяца августа 15».

Русские дружины под руководством князя Вячеслава (младшего сына Владимира) и Фомы Ратиборича, с целью вернуть власть Диогену, ходили на Дунай к Дерестру, где должны были соединиться со сторонниками мятежника, которых возглавлял Леон. Но это предприятие не увенчалось успехом, то ли из-за того, что Леон был уже мертв, то ли из-за неудач в военных действиях. Русские дружины были вынуждены вернуться обратно.

Можно сделать предположение, что Мстислав, побывав на Святой земле, не только воевал с сарацинами, но и активно готовил почву для будущих военных союзов. Видимо, по его рекомендациям русские князья пошли на брачные союзы и с византийцами, и с венграми, имея в виду дальнейшее, более тесное политическое сближение. В этом Мстислав полностью повторял политику своего отца и своего деда.

После Ветичевского съезда (1110) русские князья начинают активную борьбу с половцами. Походы на них следует в 1101, 1103, 1107, 1110, 1111 г.г. В 1120 году были окончательно изгнаны из Поднепровья печенеги. Особенно успешным были походы 1103, 1107 и 1111 г.г., увенчавшиеся полным разгромом степных хищников. Почти ежегодные военные походы в степь позволили Руси на некоторое время избавиться от половецкой угрозы. Самое примечательное в этих войнах то, что они носят все признаки крестовых. Вот, например, как описывает летописец поход 1111 года: «И пошли, возложив надежду на Бога и на пречистую мать его, и на святых ангелов его. И выступили в поход во второе воскресенье Великого поста, а в пятницу были на Суле. В субботу достигли Хорола, и тут сани побросали... В среду крест целовали, и возложили всю свою надежду на крест, проливая обильные слезы... И пришли к Дону во вторник. И оделись в броню, и построились в полки, и пошли к городу Шаруканю. И князь Владимир, едучи перед войском, приказал попам петь тропари, и кондаки креста честного, и канон святой Богородице» («Повесть временных лет». Перевод Д. Лихачева).

Именно так описывают и западноевропейские хроники походы и сражения крестоносцев. Поэтому не будет преувеличением считать, что русское воинство переняло у европейцев идею крестовых походов против язычников и иноверных.

Таким образом, в течение двадцати лет русские дружины воевали с иноверными под знаком креста, и могут с полным основанием называться крестоносцами. Но почему же в летописях нет ни строчки о том, что это были крестовые войны, или войны во имя религиозного

торжества, и почему их никак не связывали с европейскими духовными движениями того же времени?

Надо помнить, что сами крестоносцы не знали термина «крестовые походы», который появился лишь в XIX веке. Сами они называли себя «воинами Христа», или «воинами веры». Тем более не знали этого термина на Руси, письменная культура которой была еще далека от выработки точных понятий и определений.

Надо учитывать и другое – греческое культурное и религиозное влияние на сознание русского народа. И последнее является наиболее главным.

3. Коллективное бессознательное Юнга с греческим лицом

В «Повести временных лет», в той ее части, которая написана еще во времена языческие, летописец (несомненно, славянин), описывая войны Святослава с греками, с наивной откровенностью замечает, что греки склонны к обману и «лживы и до наших дней». После крещения Руси летописание было доверено монахам, как правило, грекам, и подобные отрицательные характеристики в отношении Византийской империи, ее императоров и ее народа, исчезают полностью с летописных страниц. Но это не значит, что Византия стала другой. Летописцами была введена определенная идеологическая цензура, и на многие откровенные высказывания был наложен запрет.

Византийская империя к тому времени уже существовала около пятисот-шестисот лет, и за это время выработала циничную и изощренную политику, которую применяла как к собственному народу, так и к соседним государствам. Поскольку в состав империи входили многие народы, императоры практиковали массовое их переселение в другие части империи, чтобы разобщить и противопоставить друг другу. Сирийцы и армяне переселялись на Балканы, славяне переселялись в азиатские части империи. На границах поселялись кочевники, которых императоры часто использовали в борьбе со своими подданными. Войска, как правило, были наемные и состояли из норманнов, британцев, куманов, турок-сельджуков. Вооружать собственный народ византийские императоры откровенно боялись. Воюя против сельджуков, императоры прибегали к помощи европейцев, для войны с европейцами использовали большей частью азиат.

Пример наиболее характерной византийской политики дает нам царствование Алексея I Комнина. Храбрый воин, способный полководец, выдающийся организатор, прекрасный семьянин, но, в то же время, и типичный византийский государственный деятель, отличавшийся в своих действиях необыкновенным цинизмом. Престола он достиг в результате мятежа, своих противников из числа греческой аристократии он устранял с помощью яда и наемных убийц, ослеплял и оскоплял их, не страшился прибегать к самому низкому обману, чтобы поссорить своих врагов. Он неоднократно заключал военные союзы с мусульманами, чтобы отобрать у крестоносцев завоеванные ими области в Палестине, и с крестоносцами, чтобы сдержать натиск мусульман. Во время осады Антиохии турками-сельджуками, он так и не пришел на помощь христианам, преследуя свои политические цели. Это был человек коварства необыкновенного.

Несомненно, что сведения о подобных деяниях византийцев приходили и на Русь, и вряд ли встречали одобрение у русских князей. Видимо, раздавалось немало осуждающих слов в адрес империи. Но эти осуждения так и не попали на страницы летописей, чему помешала определенная религиозная и национальная тенденциозность составителей русских хроник.

Подтверждением преобладания у летописцев определенных культурно-национальных предпочтений и симпатий служит их слишком преувеличенное внимание к Владимиру Мономаху. Да, конечно, этот князь заслужил многие похвалы, но разве только он один был украшением Руси? Разве его двоюродный брат Святополк Изяславич был менее авторитетен? Если бы

этот князь не поддерживал Мономаха, то вряд ли бы последний смог стать заметной фигурой в нашей истории. Летописцы несколько пристрастно оценили этих князей и, возвеличив похвалой одного, значительно принизили заслуги другого*. Подобное отношение объясняется тем, что матерью Мономаха была гречанка, и это вызывало повышенные симпатии греков-летописцев к этому князю.

**О неоспоримом авторитете Святополка свидетельствует то, что Мономах добровольно уступил ему Киевское княжество. С этим решением согласились не только все князья, но и сами киевляне, всегда проявлявшие строптивость в подобных делах. Но греки-летописцы и тут нашли выход: эту уступку они представили как скромность Мономаха и его нежелание развязывать междоусобную войну.*

Хотя и был причастен Святополк к ослеплению князя Василька Ростиславича, но, все же, за него заступились киевляне и духовенство, и это говорит в пользу Святополка, и свидетельствует о любви к нему народа. Некоторые его военные неудачи в войне с половцами сильно преувеличены летописцем-греком, явно стремящимся несколько умалить значение этого князя. Причина неприязни к нему греков-летописцев может быть объяснена и тем, что он был женат на немке-католичке. Не исключено, что он и сам, во время посещения Рима и папы, мог принять католичество, или же, что более вероятно, просто проявить симпатию к римской церкви. Но это несколько не повлияло на привязанность к нему киевлян.

Откровенными национальными тонами окрашен и летописный рассказ о завоевании князем Олегом Царьграда. Настроение автора просто выплескивается на страницы его повествования. И это позволяет с уверенностью говорить о том, что эти строки писались не славянином, но греком, видевшим в славянах диких варваров: «Воевати нача и много убийства сотвори около града греком, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху пленники, овех посекаху, другия же мучиху, иные растреляху, а другия в море вметаху, и ина много зла творяху русь греком, елико же ратные творять».

Впоследствии такими же словами летописец описывал монгольское нашествие на Рязанскую землю: «Безбожные татары... почаша воевати Рязанскую землю, и пленоваху и до Проньска, попленивше Рязань весь, и пожгоша, и канязя их убиша. Их же емше овы растинахуть, другия же стрелами растреляху в ня, а инии опаки руце связывахуть. Много же святых церкви огневи предаша, и монастыре, и села пожгоша, именья не мало обою страну взяша...»

Д.С.Лихачев, обративший внимание на присутствие в летописных рассказах подобных устойчивых литературных форм и фразеологизмов в описании схожих событий, ввел понятие «литературный этикет». Можно назвать это явление и литературным штампом. Но и за этими стандартными словесными оборотами явственно слышится боль за разорение родной страны: в первом случае грека, во втором – русского человека.

Мировосприятие и оценка событий едва ли отделимы от национального происхождения, что и подтверждают русские летописи. Подобные наблюдения привели некоторых исследователей к выводам о присутствии в мышлении летописцев «коллективного бессознательного» (термин Юнга). И с этим можно вполне согласиться, но с единственным уточнением: это «бессознательное», эта «власть коллективных представлений» не была русской по своему происхождению, но сформировалась в Греции и имела отчетливое греческое лицо.

В дело написания и последующего исправления русских летописей могли вмешиваться и митрополиты Киевские, Владимирские, а потом и Московские, как правило, греки, устраняя слишком откровенные высказывания в адрес Византии, византийских императоров и греческой церкви. О Византии и ее императорах уже было сказано несколько слов. Следует сказать и о греческой церкви.

Византию во все века ее существования и вплоть до падения под ударами турок захлестывали различные ереси: арианство, павликианство, манихейство, гностицизм, дуализм, богомилство, мессанианство. Хотя это и очень важно для понимания многих проблем угасающей

Византии, но не буду касаться вопроса, что заставляло многих подданных империи отвергать традиционное православие и искать свет истины в других духовных учениях. Важно другое: греческая церковь так и не сумела справиться с этими ересями, проявив полную беспомощность в религиозной сфере. Да и внутри церкви не все обстояло благополучно с решением некоторых весьма принципиальных вопросах. В 730 году император Лев III запретил почитание икон. Церковный собор 754 г. в Иерии (предместье Константинополя) объявил обращение верующих к иконам идолопоклонством и ересью, исходя из философских убеждений, что невозможно изобразить Бога в материальной форме. В течение более ста лет (до 843 г.) греческая церковь исповедовала иконоборчество, повсеместно преследуя иконопочитателей и управляясь с ними самым бесчеловечным образом. Но потом пришли новые веяния, и все переменялось самым странным образом – теперь иконоборчество было признано страшной ересью и жестоко наказывалось. Но иконоборчество не исчезло окончательно – оно укоренилось в различных ересьях, и в немалой степени способствовало расколу христианства на Восточную и Западную церковь. Впоследствии неприятие икон в виде религиозного принципа вошло в учение реформатской церкви.

Принцесса Анна Комнина (1083-1153) в своем историческом сочинении «Алексиада», посвященном царствованию ее отца, Алексея I Комнина, нашла оправдание греческой церкви в том, что отнесла склонность к ересям к врожденной национальной черте некоторых народов, в частности – армян. Но и это оправдание не снимает проблемы.

В царствование Алексея богомильская ересь* стала настолько

**Богомильская ересь признавала дуализм, т.е. равноправное существование добра и зла. Сатанаил, по учениям богомилов, был старшим сыном Бога и брат Христа. Возгордясь, он замыслил измену и увлек за собой ангелов. Христос заключил Сатанаила в Тартар и отнял от его имени слог «ил», характерный для имен ангелов. Первоначально Сатанаил обитал в Иерусалимском храме, а после его разрушение – в церкви Святой Софии в Константинополе.*

распространенной, что император был вынужден вмешаться в духовные дела и арестовать вождя богомилов Василия и его двенадцать «апостолов». Он сам лично допрашивал Василия, выявляя его религиозные убеждения, и не постыдился пойти на унижительный обман. Он прикинулся искренним сторонником богомильства, чем и вызвал откровенность Василия, высказывания которого и послужили главными уликами в его обвинении. После того, как Василий был признан еретиком, его сожгли на ипподроме при большом стечении народа, большинство «апостолов» кончили свои дни в тюрьмах, но вряд ли этим прекратилось еретическое движение. Как писал греческий историк Зонара, «Василий весь мир заразил своей скверной». О распространенности этой ереси говорит и другой историк, Зигавин: «Василий увлек в пучину гибели тысячи учеников».

В склонности к ереси был обвинен большой друг и официальный теолог императора Никейский митрополит Евстратий. Процесс над ним был громкий, поскольку подозрение пало на такого высокопоставленного иерарха и, должно быть, вызвало многие толки внутри греческой церкви.

Но подобные духовные бури, сотрясавшие империю, совершенно не заинтересовали русскую церковь и не обеспокоили ее, что вызывает многие вопросы. Неужели русские священники были до такой степени нелюбопытны и ленивы мыслью, что не обратили внимания на подобное внутренне несогласие и бедственное положение греческой церкви? А если обратили, то не пытались ли они разобраться в причинах возникновения ересей и сделать определенные выводы?

Но в русских летописях и других документах, включая и духовную литературу, мы не находим даже следов какого-либо заметного интереса ко всем этим серьезнейшим вопросам, без правильного ответа на которые вряд ли можно говорить об истинной чистоте веры. Такое же абсолютное молчание обнаруживается и по отношению к другим проблемным вопросам,

связанным с Византией. Это уже похоже на идеологическую цензуру, которая была направлена на то, чтобы представить греческую империю и греческую церковь в глазах русских христиан в приукрашенном виде, представить ее истинно непогрешимой. Такое явление может быть объяснено только откровенной грекофилией.

Подобное преклонение перед Грецией и исправление, точнее, подчистка русских рукописей ради придания всему греческому более привлекательного вида, продолжалось не один год. И.Н.Данилевский, занимавшийся изучением русских летописей XI-XII веков, по этому поводу пишет следующее:

«Ранние русские летописи не дошли до нас. Они погибли в огне войн и многочисленных пожаров, внутренних усобиц, стали жертвой невежества и политических расчетов. Ни одна из них не уцелела. Сохранились лишь их тексты в сводах XIV-XVI в.в. Причем тексты эти неоднократно переписывались, редактировались, сокращались, либо, наоборот, дополнялись. В результате их первоначальный вид, как правило, утрачивался. Поэтому, беря в руки летопись, невозможно знать заранее, кому принадлежит интересующий тебя текст: автору середины XI в., либо редактору XII, а может быть и переписчику, жившему на полтысячи лет позднее. И лишь отдельные, иногда почти неуловимые следы позволяют отыскать первоначальное чтение»*.

*И.Н.Данилевский *«Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII в.в.)»*. М. с.345-346.

Но грекофилия проявилась не только в исправлении летописей. Большой частью усилия грекофилов были направлены на формирование определенного миропонимания и ментальности у русского читателя.

Замечательный русский историк Николай Иванович Костомаров по поводу влияния греков на формирование русского мировосприятия выразился кратко и без излишней дипломатичности: «Греки старались привить к русским свою ненависть и злобу к западной церкви»*.

**«Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей»* М. 2005 г. Статья «Князь Владимир Мономах» с.42.

Видимо, не только западная церковь оказалась в центре антипатий. Греки прививали русским презрительное отношение ко всем без исключения сторонам западной культуры, как духовным, так и светским. Киевский митрополит Иоанн (умер в 1089 г.), ученый грек и ревностный христианин, продолжая ту же линию неприятия «латинян», осуждал русских князей за то, что они выдавали своих дочерей за католиков. Преподобный Феодосий Печерский (скончался в 1074г.), полностью воспринявший от греков их духовные пристрастия, оставил «Поучения», в которых так же запрещал православным выдавать своих дочерей замуж за латинян и брать у них жен, браться с ними, целовать их, есть и пить с ними из одной посуды. Но если латиняне все же пили или ели с православными из каких-либо сосудов, то в этом случае Феодосий советует тщательно ополоснуть их и совершить над ними молитвы, дабы очистить их от возможной скверны. Но вот что любопытно – в отношении язычников (половцев, печенегов и т.д.) подобной религиозной брезгливости Феодосий не испытывает и никаких ограничений православным христианам не предписывает*.

**Русские цари до конца XVII века придерживались ритуала омовения рук, после того, как их целовали католики и протестанты на дипломатических приемах. Но в отношении к мусульманам этот ритуал не применялся. Едва ли можно было придумать что-либо более нелепое и унижительное для достоинства близких нам христианских народов.*

Множество страниц в историческом сочинении Анны Комниной наполнены откровенной ненавистью ко всему западному. Она видела в крестоносцах одних невежественных варваров, которым ни в чем и никогда не следовало доверять. Видимо, это было не только ее частное мнение, но и господствующее среди большей части греков отношение к «латинянам».

Но не лучшим было отношение греков и к своим русским единоверцам. На страницах своего обширного сочинения Анна ни разу не упомянула Русь, ее князей или митрополитов, которые в то время назначались исключительно из греков. Такое молчание надо расценивать как пренебрежительное отношение к славянам, которых империя едва ли отличала от прочих варваров.

Подобное предположение находит подтверждение у греческого историка Иоанна Киннама, который Русь называл *Тавроскифией*, а русских – *тавроскифами*. Если учитывать, что печенегов и половцев он называл *скифами*, то вряд ли *тавроскифы* в его глазах заметно отличались от этих диких кочевников. Даже общность религии едва ли что меняла. Не обращались византийские императоры к русским князьям и за военной помощью, хотя постоянно в ней нуждались. Говорит ли это о том, что империя была не слишком высокого мнения о своих северных единоверцах? Или о том, что во взаимоотношениях Руси и Византии были какие-то серьезные противоречия? Не религиозного ли характера? Но если эти противоречия и были, то упоминания о них впоследствии самым тщательным образом убрали из всех документов.

После смерти митрополита Иоанна (1089) на киевскую кафедру был поставлен следующий митрополит из греков, так же имевший имя Иоанн. После его смерти был поставлен грек Ефрем. Оба последние митрополита были скопцы. Если принять во внимание, что в Византии оскоплялись, как правило, враги императора из знати, причастные к государственным заговорам, то назначение их в Киев следует рассматривать как удаление от трона неугодных людей, своего рода ссылку в отдаленные земли. Это так же свидетельствует о невысоком престиже Руси в глазах византийцев.

Ко времени крестовых походов от некогда великой Византийской империи остались жалкие крохи. Но и в таком состоянии греки надменно отворачивались от своих братьев во Христе, и соглашались скорее попасть в рабство к мусульманам, чем умалить свое достоинство перед католиками. То ли непомерная религиозная гордыня, то ли иступленный фанатизм... Именно такое чувство к Западу они старались возбудить и у русского народа*.

**После разгрома Руси монголам, русская церковь безропотно покорилась владычеству язычников, но в отношении к Западу сохраняла все ту же надменность, не желая сделать ни малейшей уступки, хотя бы ради спасения сотен тысяч жизней своей христианской паствы. Два с половиной века русские иерархи возглашали «долгие лета» и благословляли монгольских, а затем и татарских ханов, которые разоряли их родину, но не нашли в себе мужество благословить собственный народ на борьбу с дикими завоевателями. Пожалуй, в этом вопросе в полной мере сказалось влияние греческой церкви.*

Митрополит Киевский Никифор, родом грек, отправил Владимиру Мономаху обличительное «Послание» против «латин». Оно было написано в то время, когда западные христиане с невероятными трудностями освобождали религиозные святыни из рук мусульман, что не могло не вызвать одобрительного отношения всех русских христиан. Очевидно, что «Послание» преследовало цель несколько охладить растущую симпатию русских князей к крестоносному движению и пресечь возможное сближение Киева с Римом.

Известно, что в 1091 году в Киев приезжал святитель Феодор от папы Урбана II. Возможно, что подобные контакты не были единичны, и они могли усилиться во время первого крестового похода и продолжались после него. Видимо, общение с католиками побудило Владимира Мономаха более тщательно вникнуть в суть религиозного конфликта, и он обратился к Никифору с просьбой рассказать о причинах церковного раскола. Митрополит написал ответ, но он не совсем соответствовал просьбе князя. В «Послании» были подробно изложены обрядовые расхождения между Восточной и Западной церковью, об истории же раскола не было сказано ни слова. Возможно, Киевский митрополит ее просто не знал. Но подобный интерес князя его обеспокоил, и он постарался всячески очернить «латин», чтобы пресечь нежелательные для православной церкви контакты с католиками.

Самым категоричным образом осудил Никифор Западную церковь за то, что она позволяет своим священникам брать в руки оружие и проливать кровь. Несомненно, это было скрытое осуждение крестовых походов. Видимо, этот вопрос интересовал не только Мономаха, но и других князей, и бурно обсуждался на Руси. Не исключено, что некоторая часть духовенства держалась противоположенной точки зрения. Вот почему «Послание» было размножено и направлялось в другие города для чтения в церквях и отвращения от «латинских ересей» слабых в догматических вопросах русских священников и их паствы.

Подобное неприязненное отношение греков к латинянам значительно усилилось после того, как крестоносцы взяли Константинополь в 1204 году и вынудили греческих иерархов согласиться на церковную унию. Национальное достоинство греков было страшно унижено, и это вызвало у них уже откровенную ненависть к людям Запада, что вполне отразилось и в настроениях русской церкви, и в русских летописях. Тенденциозность летописцев-греков возросла неимоверно, и они, переписывая летописи, подвергали правке многие и многие страницы, выстраивая события и давая им оценки в определенном ключе.

4. Хождение игумена Даниила. Записки русского крестоносца?

Весьма характерным примером подчистки текстов греческими священниками (или русскими, но впитавших греческую неприязнь к католической Европе), является запись игумена Даниила о своем посещении Святой земли (начало XII века), так называемое «Хождение игумена Даниила во Святую землю».

Игумен Даниил, которого некоторые историки причисляют к бывшим княжеским дружинникам (он вполне мог быть и князем, принявшим иночество), вскоре после первого крестового похода отправился с небольшим количеством спутников в Палестину. Точное время этого путешествия неизвестно. Но упоминание Даниилом некоторых русских князей дает возможность приблизительно датировать это событие.

Во время своего пребывания в Иерусалиме Даниил записал имена русских князей, которых следовало поминать в молитвах в лавре Святого Саввы: Михайло-Святополк, Василей-Владимир, Давыд Святославич, Михайло-Олег, Панкратей-Ярослав Святославич, Ондрей-Мстислав Всеволодович, Федор-Мстислав Володимирович, Борис Всеславич, Глеб Минский, Давыд Всеславич.

Сам Даниил указывает, что эти князья «и ныне поминаются в октениях». И здесь возникает вопрос: поминаются ли эти князья во здравие или же за упокой? Октения – сейчас произносят «ектения» – это молитвенное прошение, как за живых, так и за усопших. В некоторых списках «Хожения» фраза о поминовении звучит так: *ныне поминаются имена их во октении, с женами и с детьми их*. Тем самым подразумевается, что все они живы. Это и дает повод причислить заказанные ектении к молитвам во здравие.

Упомянутые Даниилом имена некоторые историки отождествляют со следующими князьями:

Михайло-Святополк. Этим князем является Святополк Изяславич, умерший в 1112 или в 1113 году.

Василей-Владимир. Христианское имя Василий носил Владимир Всеволодович Мономах, который умер в 1125 году.

Далее упоминаются сыновья Святослава Ярославича:

Давыд умер в 1123г.,

Михайло-Олег – в 1115г.,

Панкратей-Ярослав – в 1129г.

Ондрей-Мстислав Всеволодович – неизвестный князь, год смерти неизвестен,

Федор-Мстислав Володимирович – сын Мономаха, умер в 1132 г.

Сыновья Всеслава Брючиславича:

Борис – 1128 г.,

Глеб Минский – 1119 г. ,

Давыд – 1129 г.

Обращает на себя внимание, что первые пять-шесть князей упоминаются в летописях, как участники Любечского съезда 1097 года. Возможно, что и остальные упомянутые князья так же участвовали в нем, и все они были живы во время паломничества Даниила. Тем самым определяется примерная дата посещения Даниилом Палестины: от 1097 до 1112 года (смерть великого киевского князя Святополка Изяславича).

Данная датировка подтверждается и собственными словами Даниила, которые сохранились в некоторых редакциях, о том, что он «ходил есми тамо во княжение Руського великаго князя Святополка Изяславича». Святополк Изяславич владел Киевом с 1093 по 1112 или 1113 г.г., поэтому путешествие Даниила во Святую землю можно отнести к последнему десятилетию его княжения.

Более точная датировка возможна по одной записи в «Хождении». Даниил упоминает о том, что до Тивериадского озера он шел с войском короля Балдуина, который направлялся на завоевание Дамаска. Король, простояв день в том месте, где из озера вытекает река Иордан, переправился на другой берег и двинулся в Сирию. Даниил остался в городе Тивериаде и осматривал его достопримечательные места, связанные с библейской историей и Христом. Через девять дней войска вернулись обратно.

В самом деле, во время первого крестового похода крестоносцы предприняли попытку завоевать Дамаск. События, связанные с этим походом, описаны незначительным сирийским эмиром Усамой ибн-Мункызом в «Книге назиданий». Крестоносцы были разбиты под Дамаском и, как говорит Усама, арабы «произвели среди них великое избиение». Сам Усама не датировал свое известие, но комментаторы отнесли поражение христианских войск к 1113 году.

Даниил, упоминая о возвращении крестоносных войск из-под Дамаска, ничего не говорит об их поражении. Но поспешное возвращение христианских войск из Сирии наталкивает на мысль, что они и в самом деле потерпели поражение, пусть и не такое сокрушительное, как его описал Усама. Поэтому известие Даниила о движении христианских войск в сторону Дамаска можно отнести к 1113 году. Следовательно, прибыл он в Палестину немногим ранее этого года.

Теперь, когда время пребывания игумена Даниила определено довольно уверенно, вновь вернемся к его повествованию.

Даниил тщательно фиксирует в своих записях не только религиозные достопримечательности, но и дни пути и расстояния между городами, островами и т.д. В этом угадывается, если и не военный, то основательный человек, собирающийся повторить свое путешествие, или составить путеводитель для других путешественников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.